

Teu^{thul}MAH

Фил Теуман

НИКОГДЕ

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г27

Neil Gaiman
NEVERWHERE

Печатается с разрешения
Writers House и Synopsis Literary Agency.

Художественное оформление *Василия Половцева*

Гейман, Нил.

Г27 Никогде : [роман] / Нил Гейман ; [пер. с англ. Н. Конча, М. Мельниченко]. — Москва : АСТ, 2015. — 416 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-090294-1

Под будничным Лондоном скрывается место, о котором большинство людей даже не подозревает. Город монстров, святых, убийц и ангелов, рыцарей в сияющих доспехах и бледных девушек в черном бархате. Город тех, кто провалился сквозь трещины жизни. Молодой человек по имени Ричард, совершив акт доброты, оказывается в знакомом и в то же время странном мире под названием Никогде...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-090294-1

© Neverwhere – Copyright © Neil
Gaiman, 1997
© Конча Н., Мельниченко М.,
перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Предисловие к этому изданию

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ хочу вас порадовать: даже если вы читали «Никогде», *это* не то же самое «Никогде».

Роман родился, как водится, из телесериала, сценарий к которому я написал по заказу Би-би-си. Не могу назвать сериал неудачным, но пока шли съемки, меня не покидала мысль: снимается совсем не то, что я задумал. И тогда я решил, что лучший способ поделиться своим видением — написать книгу. В конце концов, для этого книги и пишут!

Я сел писать тогда же, когда начал сниматься сериал. Это помогло мне не сойти с ума. Когда при съемках очередного эпизода вычеркивались целые диалоги, а кое-что просто ставилось с ног на голову, я говорил: «Ничего, я включу эту сцену в книгу», — и успокаивался. Так продолжалось день за днем, пока однажды режиссер не сказал: «Мы вырезаем эпизод со страницы 24, и если ты сейчас скажешь: «Ничего, я включу эту сцену в книгу», — я тебя зарежу».

С тех пор я помалкивал, но все равно думал: «Ничего, я включу...»

Я хотел создать книгу, которая была бы похожа на мои любимые книги детства: на «Алису в Стране

Чудес», на «Хроники Нарнии» и «Волшебника страны Оз», — книгу, которая стала бы «Алисой» для взрослых. А еще мне хотелось написать об обездоленных, о тех, кто выпал из жизни, — написать, вооружившись волшебным зеркалом фантазии, в котором мы словно впервые видим то, что видели слишком часто, а потому не замечали.

Я начал роман в первый день съемок, в январе, на кухне квартиры на юге Лондона, в которой шли съемки, а закончил в мае, в отеле одного городишки в Южной Калифорнии.

В августе того же года роман вышел в издательстве Би-би-си. Когда же «Никогде» захотели издать в «Avon Books», я страшно обрадовался. Для меня это была возможность переработать книгу. Я заперся в отеле Всемирного торгового центра и целую неделю работал. Кое-что добавил для американских читателей, которые могут не знать, где находится Оксфорд-стрит и чем она примечательна. Я с удовольствием трудился над текстом, совершенствуя его и, по возможности, углубляя. Дженнифер Херши — редактор из «Avon Books» — была очень проницательна и оказалась отличным профессионалом, хотя мы с ней и разошлись во мнениях относительно шуток. Они ей не нравились, и она считала, что американцы не поймут юмор в заведомо не юмористическом произведении. Кроме того, она предложила избавиться от второго пролога — того, где мы впервые встречаем Крупа и Вандемара. И, хотя мне было жаль с ним расстаться, я переместил их описание в текст романа*.

* В настоящем издании пролог приводится в первоначальном виде. (Прим. ред.)

НИКОГДЕ

В результате я добавил двенадцать тысяч слов и немало этих самых тысяч убрал. С некоторыми словами я расставался с удовольствием, а кое-каких мне до сих пор жаль.

Это издание вобрало в себя «английскую» и «американскую» версию; здесь мне удалось объединить разные варианты книги (спасибо Питу Аткинсу из издательства «Hill House»). От чего-то я отказался, и вот родилась новая и — надеюсь — окончательная версия (да простят меня библиографы!).

Я принципиально не пишу продолжений. И все же в мир Нижнего Лондона мне хочется вернуться. В книге «Затерянные реки Лондона» я вычитал, что в канализации однажды нашли медную кровать, и до сих пор непонятно, как она туда попала.

Могу поспорить, что маркиз Карабас в курсе.

Нил Гейман
28 июля 2005 года

Совершенно иной пролог 400 лет назад

ЭТО БЫЛО В СЕРЕДИНЕ ШЕСТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ, в Тоскане. Шел дождь — холодный, противный дождь, от которого все вокруг кажется серым.

Над небольшим монастырем на холме поднимался дым — черный на фоне бледного утреннего неба.

На склоне расположились двое. Они с интересом наблюдали, как занимается пламя.

— Знаете, мистер Вандемар, — сказал тот, что пониже, — это будет великолепнейший пожар! — Он ткнул грязным пальцем в сторону монастыря. — Впрочем, полагаю, его обитатели, по понятной причине, не смогут в полной мере оценить великолепие зрелища.

— Потому что погибнут раньше, мистер Круп? — уточнил второй, пережевывая крупные куски мяса, которые он отрезал от тушки щенка.

— О да, *intelligenti pausa*! Ты правильно понял, мой мудрый друг: они все умрут раньше.

Сразу скажу, собеседников трудно спутать.

Во-первых, мистер Вандемар на две с половиной головы выше мистера Круса.

Во-вторых, у мистера Крупа глаза бледно-голубые, а у мистера Вандемара — карие.

В-третьих, у мистера Вандемара на правой руке четыре кольца в форме вороньих черепов. Мистер Круп же не питает страсти к украшениям.

В-четвертых, мистер Круп любит красиво говорить, а мистера Вандемара больше интересует еда.

Налетел порыв ветра, и пожар разгорелся сильнее.

— Не люблю пауков, — сообщил мистер Вандемар. — Невкусные.

Послышался пронзительный вопль, и крыша здания с грохотом обвалилась, а пламя охватило стены.

— Похоже, не все умерли до пожара, — заметил мистер Круп.

— Ну, теперь-то уж все, — сказал мистер Вандемар, отрезая себе еще сырой собачатины. Обед он нашел в канаве по дороге к монастырю. Вот что значит шестнадцатый век! — Что теперь?

Мистер Круп ухмыльнулся. Зубы у него были страшнее, чем у покойника.

— Теперь — на четыреста лет вперед, — объявил он. — В Нижний Лондон.

Мистер Вандемар проглотил информацию вместе с мясом щенка.

— А там чего? Убивать?

— О да! — кивнул мистер Круп. — Убивать — это непременно!

НИЛ ГЕЙМАН

Посвящается Ленни Генфи, моему другу и коллеге, без которого эта книга просто не появилась бы, а также Меррили Хейфец, другу и агенту, с которой все идет так, как надо

...Меня в Лес святого Иоанна дуриком не заманишь: я испугаюсь. Испугаюсь нескончаемой ночи среди мрачных елей, кровавой чаши и хлопанья орлиных крыльев².

Г. К. Честертон. Наполеон Ноттингхильский

Коли нищему ты башмаки отдавал
В эту ночь и за годом год –
Надевай башмаки — твой путь между скал,
И Христос твою душу возьмет.

В эту ночь, да-да, в эту ночь,
И сейчас и на год вперед.
Свечи горят, поленья трещат,
И Христос твою душу возьмет.

Коли с нищим делил ты свой хлеб и кров,
В эту ночь и за годом год,
Адский огонь не сожжет башмаков,
И Христос твою душу возьмет.

Погребальная песнь (отрывок)³

Пролог

НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА В ЛОНДОН Ричард чувствовал себя скверно. Вечер начался неплохо. Он получил кучу открыток с трогательными напутствиями, знакомые дамы — вполне симпатичные — горячо обнимали его на прощанье, друзья советовали держать ухо востро в «этом жутком городе» и подарили белый зонт с картой лондонского метро, который купили вскладчину. Первые две кружки пива тоже были ничего, но дальше... с каждым следующим глотком ему делалось все тоскливее...

В итоге Ричард оказался на улице. Он сидел на тротуаре перед пабом в шотландском городишке и прикидывал: стошнит его или нет.

Да, Ричарду было совсем не весело.

Внутри, в пабе, друзья шумно праздновали его отъезд, и в их веселье мерещилось что-то зловещее. Ричард крепче сжал сложенный зонтик и невольно подумал, что переезд на юг, в Лондон, может оказаться большой ошибкой.

— Гляди, милый, — слышался надтреснутый старушечий голос, — глазом не успеешь моргнуть, как прогонят ко всем чертям... А то и за решетку упекут. Это запросто. Ну, ты как?

Ричард встретился взглядом с бабьими пронзительными глазками, утопавшими по бокам длинного птичьего носа.

— Да... ничего.

Он выглядел совсем мальчишкой — с чистой белой кожей, темными волнистыми волосами и огромными ореховыми глазами, которые смотрели растерянно, будто его застали врасплох. Эта растерянность и делала Ричарда привлекательным (хотя сам он удивлялся, что девушки в нем находят).

На грязной физиономии старухи мелькнула улыбка.

— На, возьми. — Она сунула ему пятьдесят пенсов. — Давно на улице?

— Нет-нет, я не бездомный, — смущенно забормотал он, пытаясь вернуть монетку. — Возьмите. Мне не надо. Я только вышел на минутку. Между прочим, завтра уезжаю в Лондон, — зачем-то сообщил он.

Она смерила его подозрительным взглядом и забрала монетку. Пятьдесят пенсов исчезли в складках кофта и платков, в которые она была обмотана.

— Бывала я в Лондоне. Я там замуж вышла. Но он оказался подлецом. Говорила мне мать: выходить надо за своих, но я была молодая, красивая — теперь то по мне не скажешь, — и я его любила...

— Не сомневаюсь, — пробормотал Ричард, окончательно смутившись.

Тошнота постепенно отступала.

— Ну, ничего хорошего из этого не вышло. Я сама нищенствовала — знаю, каково это. Вот и подумала, что ты тоже. Тебе зачем в Лондон-то?

— Я нашел там работу, — с гордостью сообщил он.

— Что за работа?

— Э-э... инвестирование.

— А я была танцовщицей, — заявила старуха и неуклюже затопала по тротуару, фальшиво напевая себе под нос.

Наконец, качнувшись из стороны в сторону, как игрушечный волчок перед тем, как остановиться, она замерла перед Ричардом.

— Покажи ладонь. И я скажу, что тебя ждет.

Он дал ей руку. Она крепко в нее вцепилась, посмотрела и вдруг заморгала, как сова, подавившаяся мышью.

— Тебя ждет дальняя дорога... — проговорила она.

— В Лондон, — подсказал Ричард.

— Нет, не в Лондон... — старуха задумалась. — По крайней мере, не в тот Лондон, где я бывала. — Начал накрапывать дождь. — Ничего не понимаю... Но начнется все с дверей.

— С дверей?

Она кивнула. Дождь усилился, тяжелые капли глухо застучали по крышам и по асфальту.

— Ну да. На твоём месте я бы поостереглась дверей.

Ричард поднялся на ноги и пошатнулся.

— Ладно, — сказал он, плохо представляя, что в таких случаях говорят. — Буду остерегаться дверей. Спасибо.

Дверь паба распахнулась, и на улицу вырвались свет и смех.

— Ричард, ты там живой?

— Живой. Иду.

Старуха уже ковыляла по узкой улице под проливным дождем — потоки воды стекали с одежды. Ричарду захотелось что-то для нее сделать. Только что? Денег ей не дашь. Он бросился вдогонку. Ледяные струи хлестали по лицу.

— Возьмите, — сказал он, лихорадочно нашаривая кнопку. С легким хлопком зонт раскрылся, и над ними расцвела карта лондонского метро: каждая линия своего цвета, все станции подписаны.

Старушка взяла зонт и благодарно улыбнулась.

— У тебя доброе сердце, — проговорила она. — Этого бывает достаточно, чтобы не пропасть... — она покачала головой, — но чаще всего одной доброты мало.

Она крепко вцепилась в зонт. Ветер рвал его из рук, норовя вывернуть наизнанку. Придерживая край зонта и согнувшись чуть не до земли под жестоким ветром и ледяным дождем, старуха побрела дальше. И вскоре белое пятнышко, испещренное названиями лондонских станций: «Эрлс-корт», «Марбл-арч», «Блэкфрайрз», «Уайт Сити», «Виктория», «Эн-джел», «Оксфорд-сиркус», — растворилось в ночи.

А в хмельную голову Ричарда вдруг пришла странная мысль: интересно, существует ли на самом деле цирк⁴ на Оксфорд-сиркус, настоящий цирк, с клоунами и прекрасными акробатками, с дикими зверями... Дверь паба снова открылась, шум голосов стал отчетливее, словно кто-то прибавил громкость.

— Черт, Ричард, ведь эта долбаная вечеринка — в твою честь! Пропустишь самый кайф.

Он вернулся в паб. После странного происшествия на улице тошнота окончательно прошла.

— Ты похож на мокрую дохлую крысу, — сообщил кто-то.

— Ты никогда не видел дохлой крысы, — бросил Ричард.

Ему вручили большой стакан виски.

— На, выпей. Хоть согреешься. В Лондоне-то настоящего скотча нет.

— Сомневаюсь, — вздохнул Ричард. Вода капала с его волос прямо в виски. — Мне кажется, в Лондоне есть все.

Он осушил стакан, и тут же кто-то протянул ему следующий. А потом вечер расплылся, разлетелся на осколки. Впоследствии осталось только смутное чувство, будто он променял что-то маленькое и разумное на нечто огромное, древнее, иррациональное. Он смутно помнил, как на рассвете его рвало в канаву, в которой бурлили потоки дождевой воды. Помнил белое пятнышко с разноцветными линиями, похожее на круглого жучка, уползающего все дальше и дальше под проливным дождем.

На следующее утро Ричард сел в поезд до Лондона. Впереди были шесть часов дороги, которая приведет его к удивительным готическим шпилям и аркам вокзала Сент-Панкрас. Мать дала ему пирог с грецкими орехами и чай в термосе. Ричард Мэхью отправился в Лондон, чувствуя себя хуже некуда.